

Владимир Бумаков

Записки путешествующего провинциала

Вы никогда не запомните свой самый лучший день просмотра телевизора. Путешествуйте...

Владимир Бумаков

**Записки путешествующего
провинциала. Вы никогда
не запомните свой самый
лучший день просмотра
телевизора. Путешествуйте...**

«Издательские решения»

Бумаков В.

Записки путешествующего провинциала. Вы никогда не запомните свой самый лучший день просмотра телевизора. Путешествуйте...

/ В. Бумаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839678-6

Серия рассказов и размышлений о событиях, путешествиях и мыслях, которые приходят в голову на свежем воздухе. Иногда эти мысли приходят всего один раз.

ISBN 978-5-44-839678-6

© Бумаков В.
© Издательские решения

Содержание

Родные дебри. Сляжево	12
Ездить нам приходится много...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Записки путешествующего провинциала Вы никогда не запомните свой самый лучший день просмотра телевизора. Путешествуйте...

Владимир Бумаков

Фотограф Владимир Бумаков

Фотограф Илья Бабенко

© Владимир Бумаков, 2017

© Владимир Бумаков, фотографии, 2017

© Илья Бабенко, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-9678-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Державное захолустье...

Моей незабвенной бабушке, Зинаиде Зиновьевне, посвящается...

«Блин! Даже смотреть паскудно, до чего докатились! Допобеждались!» Это мой дружище материться, глядя из окна моего джипчика на неторопливо протягивающиеся мимо нас застывшие панорамы нашего родного себежского края. Мы с ним потихоньку тащимся по слегка отгрейдированной грунтовке подальше от города, в глушь, за раками и за «поесть картошки с салом из костра».

Наш родной, всего-то в 9 с небольшим тысяч населения Себеж для нас уже Город! Не в плане габаритов, огромности населения – Город, а в том, что там работа и некоторые доступные в псковской провинции элементы общественного комфорта и современной цивилизации.

Нам, родившимся в уже далекие 50—60 годы прошлого столетия, да что там – столетия; в другой исторической эпохе, такими выбегами в природу удастся не впасть в крайность современной цивилизации – «человек для комфорта». В Себеже у каждого из нас есть свое, достаточно приличное и обустроенное жилье, есть чистый воздух, настоящие озера прямо перед домами и прочие атрибуты того, что столичный житель давно бы назвал Природой в его асфальто-бетонно-стеклянном понимании.

Для нас в Городе подчас становится шумно. Это, конечно, не московский, питерский и даже не псковский шум. Он не раздражает постоянно, как там. Просто через какое-то время мы начинаем ощущать вибрации внутри своей биологической оболочки, подсказывающие, что в нас накапливается излишнее количество «тёмного шума», т.е. обобщенного негатива от рабочих забот, тривиальных бытовых хлопот, общения с людьми, требующего внутреннего контроля и прочего «взвода», без которого не получится жить в объективной реальности.

Когда «тёмные» вибрации становятся достаточно противными, мы с удовольствием жертвуем рядом несрочных домашних забот, облачаемся в так уважаемые нами камуфляжные комбезы и вываливаемся в совсем близкий, но совершенно иной мир хаотично зарастающих полей, речушек, наступающих лесов и навеки оставшихся среди них умерших деревенок.

Мы, современные люди, совершенно чужды этой реальности, стремительно разрастающейся вокруг наших очагов комфорта. Мы, где самостоятельно, где по воле наших глуповатых, амбициозных и уж точно не компетентных правителей бросили в бесхозное небытие огромные территории, на которых наши родители бились сначала за Победу, потом за урожай. При нас чистые ранее речки стали зарастать и укрылись за широкими плантациями камышей и осоки. При нас без войны вымерли деревеньки, столетиями создававшие русский колорит и вместе с их жителями составляющие «соль земли Русской».

Мы едем по грунтовой дороге вдаль от Города. Кусты, подступающие вплотную в обочине, затемняют прилегающую местность. Их не вырубали уже лет «...цать». Да и кому это сейчас надо, на третьестепенные дороги силы тратить. Те, в чьем ведении эти дороги находятся, по ним не ездят. Они ими только владеют.

Из-под гравийного покрытия иногда проглядывает каменная подложка старинной, еще досоветской дороги. Как уложили тогда наши предки эти камушки, так они и лежат недвижимые. Ни время их не подвинуло, ни танковые гусеницы, ни дожди со снегами.

Лес, лентами тянущийся по обеим сторонам дороги слегка отступает в стороны и рядом с дорожкой появляется деревенька. Всего-то 30 километров от Себежа, а уже совершенно иная жизнь, скорее ее отсутствие.

Мы остановились, чтобы просто посмотреть на этот символ великого позора нации, предательство памяти наших предков, давших нам эту землю. Два домика с едва заметными признаками обитаемого жилья, укрыты массивными зарослями когда-то ухоженного шиповника вперемешку с сиренью. В воздухе, практически неосязаемый, витал дымок, присущий человеческому жилью. Мы неторопливо разглядывали полуразрушенный колодец, давно захиревший без хозяйского догляда и ремонта, обвалившиеся в многолетнюю траву заборчики из полуистлевшего хвороста, покосившиеся, с обрезанными проводами деревянные столбы линии электропередач. Несмотря на подсвечивающее нам из-под облаков вечернее августовское солнце, было тоскливо. Не столько от увиденного. Такое мы видели не раз во многих местах. От этой деревеньки практически осяземо шла волна какой-то обреченной, спокойной грусти. Мы как будто сидели рядом с древней умирающей старухой и чувствовали, что приближается ее последний судорожный выдох, после чего наступит вечный Покой.

От предпоследнего к подступившему лесу домика в нашу сторону вышла пожилая женщина. Выйдя немного из-за кустов, она остановилась и спокойно смотрела на нас, как будто пытаясь на расстоянии понять наши намерения. Ей, естественно, было интересно, зачем это два дядьки на красивой большой машине остановились в этом забытом Богом месте.

Я смотрел на неё и, понимая, что банальная вежливость обязывает сказать этой женщине хоть что-то доброе, не мог решить, с чего начать разговор с ней. Что я хочу узнать от неё об этой деревне? О ней самой? Мне и так ВСЕ ПОНЯТНО. Я четко уяснил еще несколько лет назад, что страна потеряна нашими поколениями навсегда. Без войны. Эти огромные территории, бывшие когда-то полями, кормившими моих родителей, родителей моих родителей, дававшие им работу все еще находятся внутри периметра наших государственных границ. Но эта земля нами брошена. Сдана безвременью и запустению в оккупацию.

Эти деревеньки, в которых живут ГРАЖДАНЕ страны, не нужны хозяевам государства. Это реальность, воспринимаемая нами с обреченностью.

Я смотрел на эту женщину и не мог понять, сколько ей лет. А она разглядывала меня и, скорее всего, боялась заговорить первой. Мысленная вата, образовавшаяся у меня в голове в этот момент, сама по себе переварилась в грустную, заунывную мелодию, которая потоком минорных нот потекла по моим нервам. Настроение стало еще хреновее.

В жизни периодически случаются вот такие моменты истины, которых и не ждешь вовсе и не готовишься к их наступлению. Картины, подобные этой, я не раз встречал во время своих путешествий по просторам моей любимой Псковщины. Видел я деревушки и в более плачевном состоянии и их жителей наблюдал неоднократно. Но в тех, предыдущих случаях, атмосфера умирающей русской провинции не проникала мне под кожу так осязаемо.

Я молчал.

Ситуацию разрядил мой друг. Не сокращая расстояния, чтобы не напугать, он поприветствовал селянку банальным «Доброго вечера! Как живы – здоровы?!»

«И вам здарсьте. Ништо, живем» бодро отозвалась женщина.

Дальнейший краткий разговор дал нам знать, что в деревне этой в советские времена было два с половиной десятка дворов, две животноводческие фермы, тракторная мастерская и свой клуб. Сейчас – только три дома: в двух живут эта и еще одна женщина, обе – вдовы; в третьем живет дачник из Питера. Приезжает один-два раза в год.

Остальные дома – какие сгорели, какие сгнили и развалились. И все. Ни тебе клуба, ни мастерских. Только почерневшие бревенчатые останки в зарослях крапивы и ивняка. А прошло-то всего 25 лет, как взрослые московские дяди начали разваливать не ими созданное без понятия о том, что хотят создать взамен.

Как обслуживают себя эти селянки-вдовы в таких примитивных условиях, мы могли только догадываться. Что показательно! За полчаса нашего общения собеседница ни разу не пожаловалась на свою жизнь. Не то, чтобы НАМ не пожаловалась! Она не серчала на свою жизнь в принципе. Проработав с совхозе 40 с лишним лет, пережив Перестройку, по резуль-

татам для села, сравнимую с проигрышем в войне; похоронив мужа, эта женщина живет одна на нищенскую пенсию и все делает сама. Заготавливает дрова, носит воду, лечит свои болезни. Она самодостаточна. Она не нужна государству, но и государство не нужно ей. Перестанут завтра ей платить её пенсионные копейки, она в итоге уйдет из жизни спокойно и безропотно. Потому, что в ней присутствует, на подсознательном уровне, знание её предков о том, что человеческая судьба и сама жизнь на Руси ничего не значит. И она ничего не сможет сделать, чтобы жить по-иному. Вот как сама умеет, так и существует. А больше ни от кого ничего не ждет. Она работала всю свою жизнь, а в результате чужих действий все пошло прахом для ее малой родины.

Поболтав с ней о житье-бытье, я четко понял, что она давно плюнула на тех, кто разрушил жизнь ее села. И молчаливые проклятия миллионов таких, как она, выброшенных в кювет гламурной жизни, еще войдут осиновыми колами в души тех, кто все это допустил.

Прощавшись, мы поехали дальше, повторяя друг другу наши ставшие уже банальными переживания.

На краю деревни нам представилась картина разрушенной животноводческой фермы. Те же, что и в деревне, заросли крапивы, кустов; выросшие на заасфальтированной когда-то площадке березки. На краснокирпичных стенах сгнившие стропила разобранных крыш. Шифер с крыш спёрли уже давно. Рядом с полуразвалившимися стенами из травы выглядывали остатки каких-то металлических конструкций, покрытые ржавчиной поверх старой светло-зеленой краски. Это место выглядело так, как будто здесь держала оборону целый взвод. Но войны тут не было. Это место погибло не от пуль и снарядов противника. Его убило раздолбайство.

Преодолевая крайние несколько сот метров до места нашей высадки из автомобиля и дальнейшего пешего выдвижения к рачьим местам, мы свернули с твердой грунтовой дороги,

которая еще хранила следы ухода за ней в далеком прошлом и, подпрыгивая на заросших травой кочках, потащились через заросли осинника в сторону скрытой кустами речки. Мы «топтали лыжню» по бывшему полю, заросшему с краев прямыми, как удочки, осинами. Давно, перед тем как забросить, это поле перепахали. Крупные отвалы после плуга, заросшие за многие годы травой, превратились в кочки, мешавшие нам комфортно перемещаться по еле заметной дорожке. Когда-то здесь с мощным рокотом ходили трактора, разрабатывая эту часть русской земли во благо её населения. Кипела сельская жизнь и все были при деле. У всех были планы на будущее. Пили, конечно, водку. Дрались и скандалили. Но **ВСЕ БЫЛИ ЗАНЯТЫ ОБЩИМ ДЕЛОМ**. И жизнь имела смысл. Каждый знал, что ему делать завтра. И послезавтра. И на следующий год. Потом верховные правители решили, что купить у китайцев выгоднее, чем вырастить прямо за околицей. И все! Смысл в постоянной тягловой работе в русской деревне пропал. Потом отсюда ушел запах сырой, только что вспаханной земли, скошенного сена. Стали исчезать коровьи стада, с их «лепешками» на местных дорогах, запах которых придавал своеобразный колорит русскому селу. Перестали мотаться по селам молоковозы, собиравшие свежее и ароматное молоко. Постепенно пришла тишина, в объятиях которой постепенно спились и поумирали бывшие механизаторы, агрономы и зоотехники. Знать и понимать землю стало некому и незачем.

Конечно, из телевизора до сельского люда доносились умные и современные слова, что нужна частная инициатива, энергичный крестьянский труд и крепкая фермерская деревня. С другой стороны, Страна перестала вкладывать в село, прежде всего, заботу, а потом и деньги. Страна, которая этим селом всегда кормилась. Обещали кредиты, но следом выдумывали такие схемы предоставления этих кредитов, что брать их было самоубийственно для крестьян, не имевших своего «золотого запаса». Деревней перестали заниматься, думая, что она выживет сама. Не вышло. Не потому, что это Россия. Не вышло потому, что в столице решили, что за нашу нефть нам привезут со всего мира то, что мы, точнее – они, только пожелают. И можно не работать, а только жрать купленное «за бугром». А крестьянину не работать нельзя. Ему куда податься в деревне вместо работы? И народ поехал на заработки в ближайшие городки и дальние города. Эта первая волна «эмиграции» вымела из деревни самую активную и ответственную часть крестьянства, помнящую советский стиль сельской жизни, когда всем было занятие.

Те, кому уезжать было некуда и не на что, под предводительством более активных своих односельчан попробовали организовать фермерские хозяйства. Рядом с крупными городами это многим удалось. А в глубинке это не проходной вариант. Дорогая логистика, особенно на удалении от крупных дорог, отсутствие «быстрых» денег у крестьян, эту схему работы села сделали невозможной. Этим окончательно были уничтожены последние стимулы у оставшегося трудового населения. В это же время автолавки привозили в деревни спирт «Роял», китайские консервы, макароны быстрого приготовления и прочие атрибуты капиталистического питания, когда ничего не надо делать, чтобы покушать. Открыл крышку, налил кипятку в банку и все – сделанные за тысячи километров отсюда макароны готовы. Есть можно. Народ заскучал. Нафига что-то сажать, если можно по-простому? Спиртик «Роял» и его аналоги по приемлемой цене тоже сделали свою работу. Дешевый алкоголь, словно немецкие пулеметы «выкашивали» скучающих без трудовой загрузки мужиков и баб, отправляя их ненужные никому более тела на деревенские погосты.

Прошло то всего 15 лет и все! Псковской сельской глубинки больше нет. Псковщина – чьей красотой и колоритом сельской жизни любовались Пушкин, Фонвизин, превратилась на большинстве своей территории в захолустье.

Нашему поколению эту землю, эти деревни к жизни больше не вернуть. Она потеряна именно как основа Великой Руси. Она нам более не кормилица. Стараниями «поумневших» на иностранных словах наших вождей и национальных лидеров, эту землю превратили в «капи-

тал», «обеспечение» и во что-то там еще. Терминов для нее придумали много. Применения ей дать не хотят. Именно – не хотят. Еще некоторое время пройдет и применение ей смогут найти разве что китайцы. Но это будет уже их земля.

При таком раскладе наши предки, костями ложившиеся в войну за эти самые деревеньки, проклянут нас с такой энергией, что все фильмы ужасов «отдохнут». Духи их с того света такое придумают для тех, кто спаивал деревенских мужиков «бодяжным» алкоголем, что никакие причитания не помогут. «Воздастся каждому по делам его» – давно и с большим смыслом было сказано.

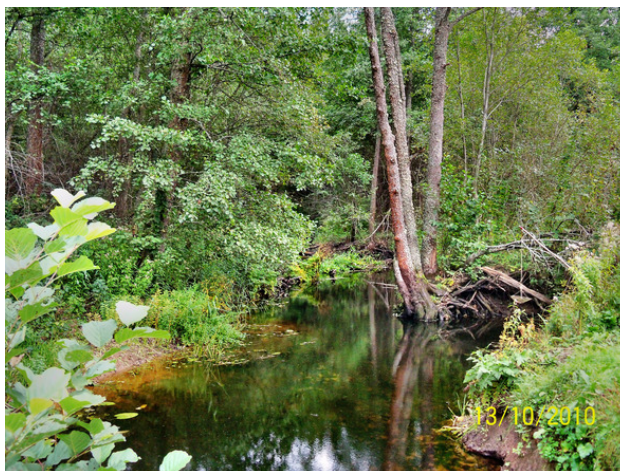
Только за дела далеких от нас людей, придумавших для Руси такое медленное умирание, расхлебывать уже приходится всем нам и нашим детям. Расплачиваться последствиями для здоровья от употребления америкосовских кур, кормленных химией и генно-придуманными кормами. Расплачиваться своими болячками, которые нас заставляют лечить сделанными из заграничной химии лекарствами, которые то ли лечат, то ли калечат.

Дети наши уже расплачиваются, обучаясь по «перспективным» учебным программам, слизанным московскими умниками с совершенно не подходящих для русского характера, образа жизни и семейного уклада европейских образцов. Результаты обучения наших детей по таким вот дебильным супер-пупер программам уже можно спрогнозировать с большой долей вероятности. Новое поколение тупеет. Советская методика подготовки учащихся, как я вижу на примере личном и своих сверстников, была лучшая на этой части Евразии. Но её отрунули безоговорочно, заменив на что-то там с иностранными корнями.

Прибыв, наконец-то к месту назначения, мы вытащили из машины все необходимое нам для добычи ракообразных снаряжение и потащили его к речке. Преодолев заслон из двухметровых зарослей тростника, мы вышли на место, бывшее когда-то явно сенокосным лугом. Сейчас здесь была трава в пояс высотой, но по очертаниям этой территории можно было четко предположить, что еще 15, максимум 20 лет назад на этом месте раненько по утру, с характерным присвистом срубали душистые травы деревенские косы. Я живо, основываясь на своих детских деревенских воспоминаниях, представил, какая здесь была красота и благолепие, когда наступала пора сенокоса. Широкий луг, упирающийся с трех сторон в живописную речку. Высокие берега, покачивающиеся на течении, уходящие в глубину чуть коричневатой воды стебли кувшинок. Терпкий запах сохнущего сена. Голоса местных ребят, приносящих из деревни перекус отцам-косарям. Так было в моем детстве. Здесь не могло быть иначе.

Теперь здесь таежная тишина. Можно хоть из пушки стрелять – никто в округе не встрепенётся. Нет никого. Далеко теперь отсюда людское жильё.

Сидим с товарищем на берегу, ждем, пока раки соблазняются на пахучую наживку в раколовках и судачим в ночной тишине у костерка вот о том самом, о чем написал я эти несколько страниц.

Вроде грустно, если проводить параллели с нашим, таким уже далеким детством.

И так хорошо, что тишина густая и туман свежий, собирающий с увядающих луговых трав свой аромат. Запах такой у этого вечернего тумана, что легких не хватает, чтобы вдохнуть в себя все великолепие его ароматов.

Мы растворяемся в этой абсолютной тишине, вбираем в свою душу ауру этого затерянного места.

Город всего в 45 километрах отсюда. Но именно здесь мы дома. На нас через густые туманные сумерки смотрит близкий лес. Нас взбадривает ароматной сыростью первый ночной туман. Это наша земля. Это наш дом. Когда мы закончим свой земной путь, наши души молча удалятся в эти черно-сиреневые лесные дали, перемешаются с сырыми туманами.

В Городе остались проблемы и переживания. Без них сегодня как-то не получается. Надо кормить детей, готовить их к невидимому из нашего времени будущему.

И нам очень хочется, чтобы наши дети, так же как и мы стремились хоть иногда послушать эту родную тишину. Пропитаться таким нужным и полезным ароматом русского леса, русской реки, заброшенного луга. Именно это дает человеку в руки ту тоненькую и невидимую ниточку, которая вяжет его к родной земле крепче морского каната. И не видно эту ниточку, но, когда она начинает трепетать, ты бросаешь все и едешь в глухомань. Где только ты и Родина.

Мы с товарищем сидим у костра, подкидываем в него дровишки, уворачиваемся от дыма. Скоро поспеет брошенная в угли картошка. Будем есть ее с салом. Мы вспоминаем свое детство. Пересказываем друг другу воспоминания своих родителей об их детстве. Нам повезло ощутить в своих семьях связь времен и поколений наших предков. Мы их помним и чтим. Им выпала тяжелая доля. При них много раз все вокруг рушилось.

А что нам еще предстоит пережить?

P.S.

Раков мы поймали мало
Совершенно этим не расстроились
Не за раками, в принципе, ехали...

2005 год

Родные дебри. Сляжево

Повезет иногда неслыханно! Задашь человеку всего один вопрос, а в итоге целую историю узнаешь. И благодаришь Судьбу, что повстречался тебе собеседник, не только много помнящий, но и способный донести до тебя свою историю красиво поставленной речью. С интересными деталями. Ясно и понятно. Просто так, КАК ЭТО БЫЛО.

Мне повезло побеседовать с Антониной Кирилловной Попенковой, прекрасно помнящей предвоенную жизнь своей малой родины – деревни Сляжево Себежского района. И эта память, конвертированная ею в прекрасный, практически литературный рассказ, тем более ценна, что содержит такие исторические детали, о которых сейчас практически никто и не знает.

Рассказ Антонины Кирилловны я изложил без изменений. Так, как она посчитала нужным донести до меня его содержание. Надеюсь, что читатели, интересующиеся историей нашего района, узнают много для себя интересного о деталях той далекой уже эпохи.

Мы с родителями жили на хуторе Тужилово, это возле Калинково. Потом, когда началась повальная коллективизация и укрупнение деревень, нас переселили в Сляжево. Сейчас на месте Тужилово и Калинково густой лес, а раньше были сплошные поля. Все пахалось, даже крутые горки все пахались. Очень красиво было вокруг. Семья наша жила, как тогда считалось, хорошо, потому что у нас лошадь своя была.

Недалеко от Сляжево, в сторону Синего озера в своем поместье до революции жил помещик по фамилии Родзевич (*Николай Яковлевич – прим. авт*). Называлось его поместье – Нескучное. Это крупный помещик был. Дом его стоял по ту, противоположную от Сляжево сторону горы. Там сейчас только кусты роз одичавших остались. Фундамент поместья Родзевича разобрали впоследствии на печи. До войны старожилы нашей деревни поговаривали, что в поместье к Родзевичу приезжал Александр Сергеевич Пушкин. Остатки поместья Родзевича скорее всего сожгли уже при Советах. Но нас туда не пускали, ведь здесь была приграничная полоса и в ту сторону ходить без дела не разрешалось.

Наша волость как раз была до дальнего берега Синего озера. Там церковь стояла, это наш приход был. Дорога туда была хорошая, ровная. Раньше, когда помещики здесь жили, за каждую колдобину на дороге крестьянам плетей давали. Мужиков у нас было очень много и все крепостные были, принадлежали помещику Родзевичу, что в Нескучном жил. Сам Родзевич жил в Нескучном до 1917 года, а потом уехал за границу. Поместье у него было самое большое в наших местах. В поместье он оставил своего управляющего. Но и тот быстро пропал куда-то. Еще один помещик, родственник Родзевича жил в Софийском, но тот поменьше был рангом. Земли Родзевича были от Софийского до Блонтов, на них его крепостные крестьяне жили, всего 14 деревень на его землях стояло. А, например в Ноглово и Козельцах жили уже вольные мужики. У них помещика не было.

Еще старая деревня – Борисенки. Там две деревни было – Лаптево и Борисенки.

Рядом со Сляжево было два пограничных заставы: одна в Нескучном, а вторая в Калинково. В районе Тужилово у пограничников было стрельбище. Край стрельбища выходил в большое болото. Они ходили на тужилдовское стрельбище тренироваться. Из Нескучного пограничники также ходили на это стрельбище. В Калинково застава большая была, возле самой границы бараки стояли, для начальников двухэтажное здание было построено. Когда война началась и пограничники ушли, они взорвали за собой все свои здания.

А за Абабкино стояли уже войска, не пограничники. У них большие кирпичные казармы были. Прямо на поле. На больших березах, около их казарм натягивали, бывало, полотно и кино крутили. Клуб у них свой был. По выходным рядом с клубом ставили граммофон

и на всю громкость песни включали, чтобы в Латвии слышно было. Мы к этим солдатам близко не подходили. У них все было отгорожено и нас они не касались. А когда в 40-м году Латвию присоединили к Союзу, эти войска быстро ушли на латвийскую территорию. Мы так и поняли, что они к нам пришли, потому что готовились к походу на Прибалтику. Когда эти войска ушли, то казармы свои они взорвали и очень долго груды кирпича лежали на месте этих казарм. А лесорубы после войны вели дорогу в этих местах, они подогнали технику и весь кирпич битый из развалин вывезли на дорогу.

Вот после войны власть говорила, что войну не ждали, не знали, что нападут на нас. Все это вранье! Все знали! Латыши на той стороне знали, что война будет. И пограничники наши знали. Слухи ходили постоянные про будущую войну.

Первым начальником пограничников в нашей местности был Бобылев. Он приехал, когда еще заставы не были построены. Его отряд контролировал границу от хутора Веприцы до дальнего от нас берега озера Синее. Потом Бобылева сменил Шевыденко; он до самой войны и командовал пограничниками.

До войны на границе был очень строгий порядок. Дозорная дорожка непрерывно бороновалась. Не дай Бог, корова перейдет через эту дозорку! Все! 100 рублей штраф выписывали без разговоров. А для местных жителей 100 рублей штраф – это полное разорение. А если денег нет – боронуй своими силами дозорку от заставы до заставы. Строгости были большие. Запрещалось дома громко ругаться и драться, например. Продержат на заставе под арестом дня три и на будущее предупредят строго. А строгости в этих вопросах были потому, что от деревни до Латвии напрямик было около километра. И леса, который сейчас, ведь не было; равнина выкошенная была. Латвийские хутора были видны хорошо. И не дай Бог, чтобы в Латвии услышали, что на советской стороне ругань стоит, или драка. Они должны были думать, что у нас все очень хорошо, что нам тут здорово живется. Милиции в наших деревнях не было, порядок пограничники обеспечивали.

Дороги до войны в наших местах были очень хорошие. От нас на Федорки шла большая дорога; мои родители до революции на повозке ездили в Лудзу, тогда она Люцин называлась. Через реку Перновку был мост хороший. И после войны эти дороги еще были в хорошем состоянии. Из Риги мы уже после войны сюда приезжали по этим же дорогам. За ними следили, ремонтировали постоянно. А когда «Перестройка» началась, все забросили и нет больше здесь дорог проезжих.

Первые пограничники, которые охраняли тут границу, были колмыки – скуластенькие такие ребята были. У некоторых девок в деревне даже дети рождались с колмычскими чертами лица.

А потом пришли украинцы. И солдаты были с Украины и командир их был украинец – Шевыденко. Все пограничники, с которыми приходилось общаться, люди были хорошие. Вели себя с местными обходительно, но строго. Никакой обиды на них не было.

До войны наша границы была настоящим «театром». Вдоль всей границы, от Веприц до Синего озера были луга. Это были наши главные сенокосы. И вот – начитается сенокос. Мужики, бабы деревенские, которые выходили на косьбу, обязаны были быть опрятно, чисто одетыми. Это проверяли пограничники. Делалось это для того, чтобы жители латвийского приграничья могли видеть аккуратно одетых советских людей, радостно работающих в поле. Еще обязательно забивали теленка или барана и варили его на лугу, чтобы запах чувствовался и на латвийской территории. Порядок был такой – час работаешь, потом отдых. Обязательно брали с собой гармонь и во время отдыха гармонист играл веселые мелодии. Мужчины косили строем, бабы тоже строем за ними валки скошенного сена разбивали. Все это контролировали пограничники.

В Сляжево и в Калинково были паровые электростанции. Улицы с темное время освещались. Не во все дома электричество было проведено, а на столбах лампочки должны были гореть обязательно.

Латвийцы, с которыми случалось общаться уже в войну рассказывали, что до войны они смотрели на все эти наши сенокосы под гармошку, освещенные по ночам улицы деревни и завидовали нашему житью. Они думали, что у нас такая жизнь счастливая наступила. А жили мы тяжело и скудно. Что до войны, что после.

Сами же латвийцы на самом деле жили еще хуже нас. Все они в этой местности ездили на заработки в Курляндию. В этих местах заработать было можно только сбором клюквы, грибов. Земля рожала плохо, болота и глина кругом. Трава растет хорошо, но не более.

Перед войной пришел сюда военный строительный отряд и начали на год в Нескучном они ДОТ строить. Строили только военные, гражданских не было. Но ДОТ они не достроили, бросили. Долго возле него потом куча гравия лежала большая. Еще один недостроенный ДОТ остался в Островских, на поле.

В деревне нашей до войны сельсовет был, почта, телефон. В колхозе нашем было 14 деревень. Назывался колхоз «Пятилетка». Бывшие поместья в Рыково, Абабкино и Нескучном тоже в колхоз входили. За Абабкино стояла лесопилка. Земли все обрабатывались, лесов, как сейчас не было и в помине. Большое болото, что у деревни Островские видно было из нашей деревни, а до него километра три.

Сразу после начала войны через наши места убегали из Латвии евреи. Пограничников уже не было, вот они и ломались через границу. Много их прошло. Заходили в нашу деревню, спрашивали дорогу на Себеж или Опочку. Отец мой и другие мужики деревенские рисовали им схемы дорог, по которым можно было дойти до Себежа, Опочки и как можно было обойти их. Только одним объяснят, как пройти – приходят другие и опять спрашивают дорогу. Так и бежали они – «цепочкой». Никакого добра с собой эти бежавшие евреи не имели. Шли только с тем, что можно было унести в руках.

Когда немцы заняли Зилупе, они всех пойманных евреев расстреливали в низинке, около железнодорожного моста через речку. Они брезентом загородили эту низинку и там пулемет немецкий постоянно «работал». Много евреев они там уничтожили. Сейчас там памятник стоит.

Как только фронт приблизился к нашим местам, пограничники наши очень быстро ушли. Как они уходили и куда, мы не видели. Просто исчезли и все. Мы боялись ходить в сторону застав, т.к. раньше пограничники всегда запрещали приближаться к их казармам. И на наше озеро нам запрещено ходить было без их разрешения.

Когда в 1941 году через нашу деревню отступал отряд нашей регулярной армии, он остановился на отдых в здании бывшей пограничной заставы в Нескучном. И пока наши солдаты отдыхали, на них случайно наскочили два немецких мотоциклиста. Эти немцы ехали по дороге, что из Латвии шла и искали проезд на Себеж. Наши солдаты этих немцев в плен взяли. Одного тут же на месте расстреляли, а второго сожгли во флигеле, что рядом с заставой был.

В войну мы жили в своих домах абсолютно спокойно. Фронт прошел мимо. У нас бышак рядом нет, деревни стояли на отшибе и боев не было здесь. Мы войну не видели. Только когда отступали наши войска, пришли солдаты и говорят – всем уходить, немец близко. И все. Мы собрали всю скотину, а ее много было: и колхозная и своя и погнали. Но до Блонтов дошли, а там местные нам говорят, что дальше идти нельзя – немцы уже взяли Себеж и Опочку. Мы двое суток отстояли в лесу, потом ребят малых послали в нашу деревню посмотреть, что тут да как. Ребята вернулись, говорят, что деревня наша цела, никого там нет. Там мы домой вернулись. Когда стояли в лесу, очень боялись, что наша отступающая часть, которая проходила через нашу деревню сожжет её. Но не тронули, ушли тихо. И весь 1941, 1942 и половину 1943 года жили мы по домам своим. Немцев не видели почти. Они жили в латвийских заставах,

которые ранее занимали латвийские пограничники. Это в Клешах, Федорках. На нашей территории рядом с нами немецких гарнизонов не было. И Борисенки и Гаспарово были не заняты немцами. Из Латвии немцы приходили очень редко к нам уже в 1942—43 годах. Приходили обменять свой керосин или спички на яйца, молоко, мясо. Соль приносили, иногда лекарства какие-то. Нас немцы вообще не трогали. Придут, наменяют что им надо и уйдут. И опять мы их не видим долго.

С латышами, что жили по ту сторону границы мы после того, как прошел фронт, жили очень дружно. Да и латышей то настоящих на той стороне практически не было: одни русские и белорусы. Это за Лудзой уже латгальцы жили, а тут русские. К тому же, на той стороне у многих родственники были. Мой родной дед на латвийской стороне жил, но я его не застала уже живым, бабушкины сестры тоже на латвийской стороне жили.

Поэтому жили с «латышами» хорошо. Ведь при Советах через границу ходить то совсем нельзя было. Пограничники границу держали очень крепко до самой войны. А при немцах граница открыта оказалась. И приходили из Латвии к нам и родственники и просто люди посторонние. У нас в деревне клуб был хороший, на гармошке на танцах играли каждую субботу.

В первое время оккупации, в 1941 и до конца 1942 года немцы местных у нас практически не трогали, только партизан гоняли. Да и партизан то гоняли не те немцы, которые в латвийских кордонах жили, а специальные команды приезжали. А в кордонах немцы жили те, которые после ранений или старики почти. Они мирные были. Мужики наши в то время свободно ходили на озеро, рыбу сетями ловили. При Советах такого не разрешалось.

После войны одним из основных видов заработка в деревне была добыча клюквы. Болота здесь большие, клюквы на них много. С клюквы, собственно и жили, т.к. колхоз почти ничего не платил. Вообще, заготовка в государстве тогда была поставлена хорошо: цена на клюкву, картошку и прочие продовольственные излишки, которые имелись у крестьян, была твердая и позволяла зарабатывать так необходимую наличность. В село приходила грузовая машина, приезжали заготовители и принимали у людей все, что те хотели сдать. Рассчитывались живыми деньгами сразу на месте.

Когда после войны в деревню вернулись уцелевшие жители, то через несколько лет она насчитывала уже 23 двора.

В Лоховне партизаны появились уже в конце 1942 года. И они не наши были. Там и белорусские были и себежские партизаны. Наши деревенские жили в лесу с другом месте. А в Лоховне партизаны гнали самогонку и пьянствовали. И оттуда самолеты за фронт улетали и увозили девок беременных от партизан.

Организовывать партизанское дело начали поначалу какие-то отдельные люди: то ли их специально оставили, то ли они от фронта отстали, не знал никто. И эти парни жили в деревнях: один в Абабкино, второй в Рыково. И они уговаривали местную молодежь, которую в армию не забрали в начале войны, идти в партизанские отряды. И кто-то немцам донес, что эти парни такую работу ведут здесь. Который в Рыково жил парень, тот куда-то пропал и никто про него больше не слышал. А того, кто в Абабкино жил, пришел из Латвии брат целый отряд немцев вооруженных по самую макушку, человек 20. Вывели немцы этого парня из дома и возле липы расстреляли. И ушли обратно в Латвию.

В урочище Лоховня квартировали не наши, не местные партизаны. Там были мужики из деревень, которые ближе к Себежу расположены. И белорусы еще там были. А наши деревенские партизаны в другой стороне прятались, в болоте на Исаковом острове. Моей маме наши партизаны как-то раз привезли два мешка сахара, чтобы она им самогонки нагнала.

Возле деревни Занавка некоторое время пряталась какая-то группа латвийских партизан. И в один из дней на посту там стоял один молодой парень из Латвии. И немецкий отряд незаметно подошел к этому месту и «снял» этого часового. Что было потом с этими латвийскими партизанами, я не знаю, но этого мальчишку зарезанного немцы там и бросили. А после войны

сюда приезжали родственники этого паренька. Они нашли в том месте косточки этого парня и увезли их хоронить в Латвию. Нашего местного паренька – Ваньку Писарева, который в партизанах был и стоял на посту около Исакова острова, немцы тоже на посту убили и подошли к лагерю партизанскому и все землянки закидали гранатами. Всех, кто выскакивал, убивали на месте. Так всех мужиков там и порешили. И лежат они там до сих пор. После войны их не решались доставать, мин боялись. У партизан подходы к лагерям обычно сильно минировались.

Еще один лагерь партизанский был в месте, которое у нас называлось Волосатники. Как-то раз в той же Занавке на посту стоял парень из Рукова, Витя Горбачев. Ему лет 16 было. Немцы на посту его живым взяли и заставили привести в лагерь, где партизаны жили. В этом лагере немцы тоже всех партизан уничтожили. Этим отрядом командовал наш школьный учитель Василий Тимофеевич. И его убили. Мой двоюродный брат в живых остался, он в это время на посту в другом месте стоял и в этом бою не участвовал. Погиб он немного позже, подорвался на своей же мине, когда за водой ходил. Из всех наших местных мужиков, которые в партизанах были, жив остался только один паренек из Рукова. Коля Мельников его звали.

А Вите Горбачеву, которого немцы на посту захватили, они потом форму свою выдали и он потом на них работал. Когда мы уже в Риге сидели, я его там один раз в немецкой форме видела. А после войны его на 25 лет осудили. Он отсидел, вернулся в наши места и женился на девушке из деревни Меженцы. А потом уехал вместе со своей женой отсюда.

Последнее время, перед угоном в Латвию мы ни одной ночи не спали. Не до сна было, потому что вокруг все деревни горели. Днем каратели жгут за связи с партизанами. Ночью партизаны – за связи с немцами. Никто не разбирался, были те связи или просто так думали.

Когда нас угоняли, поросенка каратели застрелили и тут же зажарили. А корову забрал полицейский из Латвии. Он рядом с границей жил, в Клешах. В 1944 году отец мой, когда в деревню вернулся, в Латвии нашу корову нашел и вытребовал с родственников того латыша денег за нее. Сам-то бывший полицейский в тюрьме сидел, но через суд родственники его деньги отцу вернули.

До 1943 года мы жили все в своих деревнях. Потом пришли эстонские каратели, но это не войска, а именно каратели. Пришли и начали зверствовать: кур стреляю, поросят стреляют. А партизаны наши их не трогали. Да и какие там бойцы были из наших партизан. Там большинство мальчишек было. В лесу нагонят самогонки, напьются и идут по деревням. А в деревне какая бабка скажет им, что вот тот то с немцами общался. И все! Сами партизаны все барахло этого человека заберут, его самого расстреляют и дом сжигали. И опять в лес убегают. Они считали, что так они с врагами народа борются. А чем этот человек, которого они растеряли, виноват-то был? Никто же не разбирался. Если немцы его о чем-то спрашивали, конечно он с ними разговаривал. А он что, мог немцам отказать, мол, не буду с вами говорить?

Как-то раз из Себежа пришел мальчишка, лет 15. Принес местному старосте от немцев записку, чтобы хлеб сдавали жители. Староста записку у этого мальчишки забрал и оставил его у себя ночевать, т.к. возвращаться ему в Себеж уже было поздно – ночь наступала. А ночью пришли наши партизаны. Выволокли они этого парнишку на улицу, ругались на него, что он на немцев работает и потом тут же расстреляли. И дом старосты сожгли. А мой дядька рядом жил, 9 детей у него было. Так и его дом тоже подожгли. И остался мой дядька с детьми без дома. Свои же партизаны и устроили ему «веселую жизнь». А сами партизаны, которые у нас тут поблизости в лесах жили, больше на бандитов были похожи: пьяные приходили, с бабами безобразничали. А приструнить их жители боялись.

В конце уже 42-го года в нашу и ближайшие деревни стали чаще наведываться немцы. Но немцы приходили днем, а партизаны приходили по ночам. Это было самое страшное время. Немцы знали, что партизаны забирали у местных еду, одежду и запрещали отдавать это им. Заставляли местных не пропускать партизан в деревни. А партизаны, как узнают, что кто-то общался с немцами, или у кого немцы долго в доме пробыли, так ночью приходят, людей этих

побьют, добро все заберут. Было что и расстреливали и хаты жгли. Вот такие они были герои. А жители одинаково боялись и немцев и партизан.

А в марте 1943 года к нам пришли эстонские каратели. В их карательном отряде было несколько украинцев, так эти подлее были. В Бушевке и Рыково эстонцы всех жителей согнали в коровники, обложили соломой и хотели сжечь. А украинцы, что были в карательном отряде, подняли шум и заставили эстонцев выпустить жителей. В конце концов, каратели сожгли и нашу деревню и соседние, а нас погнали в Латвию. Всех погнали, и старых и хворых. Кто идти не мог – расстреливали прямо на дороге. Так они и валялись.

Пригнали нас в Зилупе, на железнодорожную станцию. Там загнали в вагоны грузовые. Причем так набили, что лежать или сидеть было невозможно – только стоять. Вот так и спали стоя. Стоим и считаем: день – ночь, день – ночь. В марте еще холодно было по ночам. Несколько дней продержали нас в этом вагоне без движения. Просились в туалет люди – не выпускали. Потом один часовой добрый разрешил выйти из вагонов. А на станции парк был возле здания вокзала. Так все как побегут в этот парк и моментально превратили его в один большой туалет. Никто никого не стеснялся. До такого состояния уже намучились все.

Простояли в этом вагоне дней пять. Потом наконец-то повезли нас. Мужики спрашивают, куда везете. А полицаи, которые с немцами были, сказали, что в Саласпилс. Мужики обрадовались, что везут сало есть.

В Саласпилсе загнали нас в барак, где пол бетонный и окон нет. И голые все сидели, потому что одежду всю заставили до этого снять. Холодно было и темно. Детей держали отдельно от взрослых. А стариков, которых привезли в этот лагерь, сразу уничтожили, чтобы не кормить.

Сколько просидели мы в это бараке – не знаю. Потом выпустили и погнали в другой барак. В том бараке одежда свалена от тех, кого уже уничтожили и наша одежда там же в кучу была свалена. Дали приказ одеваться. Мы одели, кто что нашел подходящее для себя.

После того, как все оделись, девчонок вывели из нашей общей толпы. И меня тоже вместе с ними. Немцы из нас выбирали, кого в свой бордель забрать. Меня и еще нескольких девчонок сразу в сторону убрали – говорят, слишком малы.

А потом за нас вступилась церковь и нас отдали, как говорили, на воспитание к латышам. В 1943 году у немцев на фронте уже плохи дела были. Латыши требовали для себя рабочую силу и мы попали на работы к латышам в самой Риге. Рига была практически не разрушена. Немного была побита набережная, а весь город был целый.

Мои родители вернулись в Сляжево в 1944 году. В 1945 году они начали строить свой дом и в 1946 закончили. Дом этот так и стоит с той поры. Первое время после освобождения люди ждали, что жизнь какая-то другая будет. Ходили слухи, что колхозы отменят и разрешат вести свое хозяйство на хуторах. Но ничего этого не случилось. Колхозы опять вернули, у всех отобрали паспорта, чтобы уехать не могли и работали в деревне. Мужиков вернулось очень мало. Часть погибла еще в финскую войну, но основная масса мужского населения наших деревень сгинула в Отечественную в партизанах. В партизанах были и старые и молодые: от 15 и до 70 лет. А конкретно из нашей деревни все мужики, которые партизанили, все и погибли.

Уже когда партизаны стали активно выступать против немцев – нападать на их солдат, приходивших в деревню, то и немцы стали охотиться на партизан по-серьезному. Информации про партизан у немцев было много. Они знали, кто возит партизанам продукты, сено. Но массово они поначалу не расстреливали за это. Да и жители не могли почти ничего рассказать про партизан. Ведь они довозили передачи для них до особого места в лесу, а дальше к своей базе все доставляли уже сами партизаны. Жители не знали, где конкретно в данное время у партизан лагерь. Но все равно немцы местных гоняли за помощь партизанам. Но поскольку гарнизона у немцев в наших селах не было, то и контролировали они нас наездами.

На этом, к сожалению, моя беседа с Антониной Кирилловной была прервана. Времени на дальнейшие расспросы у меня не оставалось, да и у нее были свои домашние дела.

Но мы с ней еще обязательно побеседуем. История не закончена.

А читатель уже из рассказанного может понять, какая она была, жизнь за много лет до нас.

2006 год

Ездить нам приходится много...

Ездить нам приходится конечно много. И дороги нам встречаются большей частью, как мы их называем – военные. По другому быть и не может, ведь добраться надо до мест заброшенных и дальних, где мы ищем подземные следы той войны. На «войну» и дороги военные.

Мы знаем практически все о том, где в наших местах в ту войну немецкие и советские солдаты делали свою кровавую работу. Но на этом наши точные знания заканчиваются. И прибыв в лесную чащу или на заросшее травой поле, мы начинаем работать, чтобы вдобавок понять, КАК это было.

Давно по этим полям, лесам и болотам не мечется безжалостный и кровожадный дух войны, нацеленной на тотальное уничтожение противника. Большой частью исчезли мощные линии обороны, заросли окопы и траншеи, запаханы и засыпаны блиндажи и капониры. Но как показывает копательская практика, изменив внешний облик земной поверхности после той войны, наши послевоенные поколения не выполнили до конца свой долг по отношению к гражданам своей страны, бросившим на жертвенный камень в момент наивысшей опасности для Отечества свои жизни и здоровье.

Угли сгоревшей на этой территории войны так и остались лежать в земле – единственном хранилище, которое цепко держит доставшееся ей «имущество». Угли того кровавого костра – это не только железо и сгнившее дерево блиндажных перекрытий и отбортовки траншей и окопов. Это и останки советских граждан – солдат и командиров Красной Армии. Павших и найденных. Забытых. Их – целые батальоны. Без номеров.

Их кости в послевоенное время поливали на полях удобрениями, из-за чего они растворились окончательно. Их не удосужились достать из обвалившихся блиндажей и захоронить хотя бы у дороги в те годы, когда это можно было сделать достаточно легко. Теперь же их – тех, кого нам повезло обнаружить, приходится забирать у приютившей их родной земли только в результате долгого ковыряния затвердевшей на жаре глины, из заливаемой грунтовыми водами земляной жижи, расплетая сгустки корней, выросших на их останках деревьев и кустов.

Иногда, правда намного реже, чем наших, мы находим останки немецких солдат. Их мы отбираем у незавоеванной ими земли так же тщательно, как и наших. Дело не в азарте. К ним у нас нет ни злобы, ни желания поглумиться над поверженным врагом. Повергли их наземь не мы. Останки немецких солдат мы отдаем представителям германского союза по уходу за могилами павших военнослужащих. Они и решают их дальнейшую судьбу. И еще момент. Незахороненных немцев в нашей земле осталось намного меньше, чем наших. И это несмотря на то, что молотили их наши нещадно. Что в 41-м, что в 44-м. И намолотили, надо сказать немало. Тут дело в том, что немцы своих погибших старались не оставлять на поле боя. Это – традиция их армии. Даже в условиях сильного давления наших войск у немцев всегда работали похоронные команды, которые даже под огнем выносили своих павших солдат. Хоронили они их, правда, зачастую где попало. Но хоронили и вносили в свои документы сведения о погибших. Нашим бы такое обращение.

Работа на бывших позициях той войны имеет еще один немаловажный для нас результат. Мы имеем возможность проверить в буквальном смысле на местности ту или иную архивную информацию, содержащуюся в боевых донесениях, мемуарах.

И иногда обнаруживается, что описываемые в докладах, донесениях или воспоминаниях события на самом деле не могли происходить так, как их представляют авторы и исполнители этих документов.

Как-то раз к нам попала копия донесения о прорыве нашими подразделениями тактической обороны немцев в районе одного из озер. В донесении наших войск, направлен-

ном в вышестоящий штаб указывалось, что оборона немцев состояла из нескольких линий, была насыщена артиллерией, а в момент ее прорыва нашими войсками еще и поддерживалась немецкой штурмовой авиацией, активно действующей по нашим войскам бомбами и пулемётно-пушечным огнем. Изучив это донесение, мы приехали в указанную в нем местность и принялись активно искать следы того боя. Надо отметить, что после войны те места не претерпели значительных изменений. Две деревеньки, за которые шел бой, после войны так и возродились. Место как было глухоманью, так и осталось. С раннего утра до темноты мы в несколько металлодетекторов «чесали» эту территорию. Нашли две недлинные траншеи, которые по выкопанным из них «признакам» были идентифицированы как советские; пару наших же блиндажей. Было непохоже, что тут велся сильный встречный бой. Тогда мы пошли в сторону немецкой обороны, ожидая увидеть остатки многоэшелонированного рубежа. И обнаружили три блиндажа и короткий, метров 20 окоп. Все! Больше ничего немецкого в этом месте не было. Но что окончательно убедило нас в «некоторой неточности» изученного нами донесения, так это практически полное отсутствие, как мы называем, настрела, т.е. гильз, осколков, пустых пулеметных лент, дисков. Вообще, «боевняка», т.е. хлама, непосредственно связанного с активным боем не было! И это при упомянутом в донесении массированном применении немцами авиации с малых высот. На большой проверенной территории мы нашли десяток стреляных гильз от пистолета ТТ и несколько гильз от немецкого карабина «Маузер-98к». А где же кучи стреляного «гильзья» от немецких штурмовиков? После войны все собрали? Из земли все повыковыривали? Если на прорыв обороны шел батальон, как указано в донесении, то это, при описанной плотности вражеской обороны, было бы связано с активным огневым противодействием противника – использованием минометов, пулеметов. Все эти механизмы выбрасывают из себя очень много железа. Про авиацию и говорить не приходится. Та должны была буквально засыпать все вокруг гильзами.

Вот и доверяй после этого безоговорочно тому, что писалось в те годы о ратных делах. Это конечно случай нечастый и ни в коем случае не отрицающий геройских дел наших солдат, но факты – вещь упрямая. Даже по истечении 70-ти с лишним лет.

За прошедшие после войны годы в нетронутых цивилизацией и сельским хозяйством местах земля еще хранит явно различимые отметины прошедших схваток. По ним, как по следам зверя на снегу хорошо видно, где и что происходило. Сохранились укрепленные пулеметные гнезда, минометные позиции, места расположения артиллерийских батарей, блиндажные городки. В них под слоем земли сокрыты знаки принадлежности их к той или иной стороне вооруженного противоборства. По этим знакам определяется, что вот он блиндаж, где немецкий повар готовил пищу для своих солдат; вот это – медицинский блиндаж с упавшими на пол инъекционными иглами и остатками разорванных индивидуальных пакетов. Значит где-то рядом была хорошая «заваруха» и надо искать тех, кто в ней не выжил.

Есть в наших краях место, знаковое для всех наших копарей. Это небольшая высотка в районе деревни Глуховка. В марте 1944 года на эту высотку пробилось наше подразделение, имевшее задачу атаковать находившийся неподалеку немецкий аэродром подскока. Когда наши «оседлали» эту высотку, немцы окружили их и не давали продвинуться. Там до сих пор мешанина из окопов, стрелковых ячеек и воронок. Работать с металлоискателем на этой высотке нереально, т.к. техника постоянно «фонит» на находящееся в земле железо.

Земля набита осколками, гильзами, остатками патронных «цинков» и прочим боевым хламом, как подушка перьями. Как обычно, крайнюю точку в размышлениях о том, что здесь происходило, ставит лопата. Начиная примерно с середины 80-х годов прошлого столетия эту высотку «полировало» не одно поколение копарей. Сколько оттуда вынесено железа – не знает никто, но все знают, что немеряно. Сколько оттуда вынута костей наших солдат знают только примерно, но однозначно – много. Причем кости эти лежали там брошенными и забытыми все послевоенные годы. И сейчас, уже в 21 веке, раскапывая очередные метры заплывшего

окопа мы находим кости, пуговицы, ложки, пробитые котелки, куски солдатских ремней, сапог и т. п. Часто от человека не удается найти ничего целого, даже скелета. Значит, рвануло совсем рядом с ним или попало прямо в него. Так мы нашли нашего гвардейца, от которого осталась только нога в сапоге, несколько мелких костей и гвардейский знак. По характеру обнаруженных останков было понятно, что человек выскочил на бруствер окопа, был сразу убит и упал опять в свой окоп. Больше о нем ничего. Только кости и гвардейский знак.

Но очень важный вывод следует из того, что до сих пор демонстрирует нам эта копаная-перекопанная высотка. Немцы эту высоту не взяли! Ни одной немецкой гильзы на этой высоте не находили. Наши легли костями, но этот бугорок среди болота не сдали. На дне раскопанных наших окопов и рядом с ними лежат кучи предохранительных рычагов и колец от наших гранат. Значит, схватка была на расстоянии броска гранаты, практически «глаза – в – глаза». И еще – энергетика в этом месте до сих пор такая... Не одним копателем подмечен сей факт.

К сожалению, о героической обороне этой высотки ничего существенного в архивных фондах нам найти не удалось. Скорее всего, по мнению тогдашних штабистов, там случился обыкновенный по тем временам бой, который и упоминать в донесениях не стали. О некоторых деталях того противостояния нам рассказали оставшиеся в живых местные жители, коротающие свое время в потихоньку вымирающей деревне Глуховка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.